

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

МИР ОТРАЖАЕТСЯ В СЛЕЗИНКЕ...

* * *

Россия — оторвавшаяся льдина
От океанских ледовитых льдов,
Извечная судьбина и година
Сирот несчастных и суровых вдов.

И ты стоишь, печальная, на кромке
Стихов гремучих и дремучих снов,
А под ногами — острые осколки
Земных и человеческих основ.

Неистовая, хрупкая горячка,
Поверившая в Божий Высший Дар.
Сцепились насмерть белая горячка
И красный полыхающий пожар.

Марина — ледовитая морена,
Залегшая в глубинные слои.
Твоей судьбе и море по колено,
И все тебе чужие и свои...

СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич – выдающийся современный русский поэт. Родился в 1952 году. Закончил факультет режиссуры Куйбышевского государственного института культуры и Высшие Литературные курсы Московского литературного института им. М. Горького. Автор книг “Заповедный кордон”, “Небесная крепь”, “Свете Отчий”, “Великий верх”, “Аргуван” и др., а также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Живёт в Самарской области.

* * *

Мир отражается в слезинке
И ощущает с небом связь.
Слезами вымою ботинки,
Чтоб не тащить на небо грязь.

Как старики сентиментальны:
Чуть что, и слёзы на глазах.
Какие постигают тайны
Они в Божественных слезах?

Прощайте старикам капризы.
На вас взирает, чуть дыша,
Сквозь слёз оптические линзы
Подслеповатая душа.

* * *

Семинар поэтов молодых —
Юных дней моих воспоминанье.
Бьют меня товарищи под дых,
Испытуя на излом дыханье.

Битым я не раз потом бывал.
И, пройдя суровую закалку,
Диафрагму натренировал,
Укрепил характер и дыхалку.

Выковал в себе бойцовский дух
И широкий непокорный выдох.
За меня дают сегодня двух
Стихотворцев, в драках недобитых.

Я шагаю, млечностью пыля.
Небеса мне — скатерть-самобранка.
За моей спиной — вся земля
И река разбойная — Татьянака.

Где, как тать, берёт меня в полон
Город N — фамильная обитель.
И сибирякам земной поклон
Шлёт один его исконный житель.

Предо мной — заснеженная мгла.
Завывает вьюга ошалело...
...Город Омск морозом добела
Раскалён до млечного предела.

Пролетел табун коней гнедых
Лет моих... И вновь меня встречает
Семинар поэтов молодых
Жадными горящими очами.

Соловьями критики поют...
Внемля им душою нараспашку,
Понимаю-чую: наших бьют!
Обсуждают Тихонова Сашку.

Сашка — поэтический юнец
Достославной песенной Сибири.
Рядом с ним сидит его отец —
Кулаки тяжёлые, как гири.

Отчего-то очень жутко мне,
Если он кого-нибудь ударит.
Хорошо, что никакой родне
Слова не дают на семинаре!

Я шепчу: “Сашок, держись, родной!
Даже если в драке будет жарко.
Город Тара за твоей спиной
И река искристая Аркарка.

И ещё — сибирская земля,
Что природной силою питает,
Где, небесной млечностью пыля,
Русская поэзия ступает...”

* * *

Собаке снится речка, не иначе...
Вот почему, вздымаясь среди сна,
Колышется ребристо грудь собачья —
Как за волной вздымается волна.

А лодке снится, что она собака,
Прикованная к берегу реки.
И вздрагивают волны среди мрака,
Как вздрагивают спящие щенки.

А человеку снится: гибнут люди,
И нету сил скрываться взаперти.
И человек встаёт, собаку будит,
Спускает лодку на воду с цепи.

И человек, собака, лодка, речка
В ночной и беспокойной тишине
Плывут куда-то по стремнине млечной...
А может, это все приснилось мне?..

* * *

Ты глядишь на меня исподлобья.
Может, думаешь, не устою.
И рубаха забрызгана кровью,
Словно мы на кулачном бою.

Я, сутулясь, стою против света.
И прибит под ногами снежок.
Ничего в этом страшного нету,
Что твой взгляд мои щёки обжёг.

Знаешь, дело моё молодое —
Я не робкий, могу дать отпор,
Ведь недаром к горячей ладони
Прикипел рукояткой топор.

А свои озорные угрозы
Ты для малых детей сбереги.
Может, завтра ударят морозы.
Лучше дров наколоть помоги.

Не гляди на меня исподлобья.
Ничего в этом страшного нет.
Всё равно не поссорюсь с тобою,
Мой холодный декабрьский рассвет!

ДОЖДИК

Уйду с головой в небеса,
Устав от сердечного гуда.
Туда не берут адреса,
И письма не пишут оттуда.

Уйду поутру налегке,
До облачной выси достану
И буду для мира никем,
И дождиком ласковым стану.

И снова на землю приду
У окон твоих ошиваться.
И буду у всех на виду
Нахально с тобой целоваться.

А твой благоверный супруг
Закроется в доме, застонет,
Сошлётся на давний недуг,
Меня от крыльца не прогонит.

И мы постоим на крыльце
В обнимку — одни в целом свете.
И слёзы твои на лице
Никто у тебя не заметит.

* * *

Грустные эти звёзды
В сумрачной вышине.
— Господи! —
Твои слёзы
Горькие
Обо мне.

Что ж от меня ты прячешь
В сумраке скорбный лик?
И почему ты плачешь,
Если Ты так велик?

* * *

С крыши ли, свыше — из рая ли? —
Хлипкий доносится глас...
Блудные дети Израиля
Русский обсели Парнас.

Ножки короткие свесили —
Высоковат русский трон.
Над городами и весями
Вопли картавых ворон.

Знаю ответ ваш заранее —
Все вы и всюду правы!..
Блудные дети Израиля,
Не заблудились ли вы?

* * *

В этом мире Праздник Солнца
Миллиарды зим и лет,
И к чему ни прикоснешься —
От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
Неба солнечная твердь.
И не надо быть поэтом,
Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
Небо плещет синевой.
Перемалывает вечность
Солнца жёрнов огневой.

На поля, луга и ельник,
На полынь и бересклет
Бородатый сеет мельник
Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
Для земных насущных треб
Божьей волею печётся
Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел,
И блажен из века в век.
В этом мире, что он смертен,
Знает только человек.

Отчего ж стою печальный,
Светом солнечным сражён?
Оттого, что гость случайный
Я на празднике чужом.

* * *

В аду на коленях у главного чёрта
Сидит с кошельком грамотей.
Такая нехитрая с виду работа —
Оплачивать козни чертей.

Но требует всё же крутые повадки
И жёсткий ревнивый догляд,
Ведь ушлые черти на денежки падки
И лапы нагреть норовят.

У них что ни день — то Содом и Гоморра.
Работать никак не хотят.
Налижутся сдуру крысиного мора
И злобно друг друга едят.

А если напьются, то в карты играют
И всяко грехами соряют.
А деньги казённые тают и тают,
А лапы горят и горят.

Обчистят нахально друг другу карманы
И в тяжком похмельном бреду
Набрешут с три короба, как наркоманы,
Что в райском гуляли саду.

А черти из тех, кто иных побойчее,
Растратив беспутно суму,
Идут на поклон к самому Казначею
И ножки целуют ему.

За что грамотею такая награда
И пышный особый почёт?
Поганое грязное золото ада
Ему ляжки хилые жжёт.

Несметное это богатство откуда?
С тернового брызжет куста.
А кто Казначей тот? Паскуда Иуда,
Торгующий кровью Христа.

* * *

Говорю я ему: “Не клонись на зарю”.
Только он почему-то не верит.
А известно давно — на земле к сентябрю
Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликал печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджѣг,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови.
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы её погорельцы.

Не зальёшь это пламя небесной водой.
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлѣк,
И твою красоту он схоронит.
Но не слышит меня молодой тополѣк —
На зарю свою голову клонит.